

Великий вызов

Скандально прославившаяся журналистка Елена Трегубова — “кремлевская диггерша” — так написала о Ельцине:

- “ Просто был тем, кто неожиданно почувствовал этот великий ритм и дыхание времени, этот великий шанс и великий вызов. И — как мог постарался соответствовать этому вызову.

Надо заметить, что до недавнего времени такое употребление слова *вызов* было для русского языка совершенно невозможным. Да и сейчас фраза “Он почувствовал этот великий *вызов* и постарался соответствовать этому *вызову*” звучит не вполне по-русски. Можно, однако, с большой степенью вероятности предположить, что освоение такого употребления — дело ближайшего будущего.

Это калька с английского *challenge* — одного из самых ярких английских слов, которого нет в русском языке — во всяком случае, до недавнего времени не было. Буквально оно означает “вызов”, однако имеет гораздо более широкое значение. Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни. Почувствовав *challenge*, человек ощущает, как повышается количество адреналина в крови. Излишне говорить, сколь важны это понятие и это ощущение для всей американской цивилизации. По-русски человек не может, например, соглашаясь занять какую-то должность, воскликнуть, потирая руки: “Это для меня *вызов!*”

Ну, не будем пускаться по этому поводу в спекуляции, а вспомним лучше русское слово, в котором азарта не меньше, чем в английском *challenge*, — выразительное словцо *слабо*. “А вот *слабо* тебе это сделать?” — подзуживаем мы собеседника. “Кому? Мне *слабо*??? — заводится он. — А вот и не *слабо!*” И действительно немедленно прыгает с крыши, выпивает бутылку водки, стоя на подоконнике, и т. п. Такой нехитрый риторический прием, кстати, так и называется — *брать на слабо*. Конечно, это слово выражает совершенно другую идею, чем слово *challenge*. В ответ на *challenge* человек повышает про-

изводительность труда, продвигается по службе, в то время как, доказывая, что ему *не слабо*, человек может сделать то, чего он вовсе не хотел и не собирался делать. И, пожалуй, даже, чем бессмысленнее действие, тем лучше.

Это по-дурацки удалое *слабо* — очень характерное и забавное словцо. Есть свое обаяние в бескорыстном желании проверить, на что ты способен, не достигая при этом никакой разумной цели, — как в известном пассаже из “Москвы — Петушков”:

“ А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, одеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..

(И да, в первой версии “Москвы — Петушков” так и было — *одеть штаны*, так сам Ерофеев и произносил, когда читал свое произведение вслух, хотя в более поздних версиях стало *надеть штаны*.) Однако то, что в русском языке нет слова *challenge*, в последнее время все больше ощущается как упущение. Оно все чаще и чаще оказывается нужным, когда люди говорят о своей или чьей-то еще жизненной позиции, отношении к профессии, карьере. И вот слово *вызов*, в котором раньше ничего такого экзистенциального не было, прямо на наших глазах расширяет свое значение. Так сказать, пытается соответствовать *вызову эпохи*.

Мне особенно нравятся две фразы в рекламе. В одном случае о новом пятновыводителе говорится: “И еще больший *вызов* — задохшая свекла”. В другом рекламируется модель автомобиля: “Ваш ответ *вызовам* жизни!”

Наш пример очень показателен. Часто по поводу нового слова люди машут рукой: да это заимствование! Как будто такое указание что-то объясняет. Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge*. Но вдруг собралось, и новое значение моментально прижилось. Просто раньше оно было не нужно, а теперь понадобилось. Замечательно, как быстро люди привыкают к таким вещам. Я много раз сталкивалась с тем, что мне не верят, когда я говорю, что раньше не было выражений типа *почувствовал великий вызов*. “Как это не было? Да всегда так говорили! А как же иначе это сказать?” Да в том-то и дело, что раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали. Как сказано у Цветаевой, “даже смысла такого нет”.

Правда, фраза про свеклу пока еще большинству людей кажется смешноватой. Но это ненадолго.

Тут вот что еще интересно. В последнее время для русского языка стало очень характерным использование слова *проблема* там,

где раньше сказали бы просто *неприятность*. Теперь вместо *плохая кожа* скажут *проблемная кожа*. Такой *позитивный* взгляд на жизнь. Но вот когда я рассказывала об этом в “западной” аудитории, то несколько раз получала однотипную реакцию: “Ну надо же, а у нас теперь, наоборот, лучше не произносить слово *problem*, если не хочешь испортить себе карьеру. Теперь надо вместо *problem* говорить *challenge*”. То есть больше не стало *проблем*, а есть только *вызовы*. Это уже следующий этап — еще более лучезарный взгляд на жизнь, при котором даже *неприятность* рассматривается лишь как возможность проявить себя. В общем, как пел герой Ефремова в фильме “Айболит-66”: “Это очень хорошо, что сейчас нам плохо” — с полным, впрочем, осознанием того, что это лишь способ поддержать деморализованных малышей.

Один мой сослуживец остроумно заметил по поводу нового словоупотребления: “Ясно... Значит, теперь надо говорить: «Это ваши *вызовы*»”.

[1999]

We are the champions, my friend...

Среди рекламных слоганов мобильных телефонов можно услышать и такой: “Мобильные телефоны для успешных людей”. Такое употребление слова *успешный* — явление совсем новое.

До последнего времени русское слово *успешный* могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (*успешные переговоры, успешная работа, успешный рост*) — но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень типичным.

Более того, пожалуй, *успешный человек* — это герой нашего времени. Уже о нем и для него пишут книги и издают журналы: Михненко П. А. “Как стать успешным: ... на опыте *успешных людей*”, Кановская М. Б. “Деловой этикет для *успешных людей*”, “«Фаворит» — журнал для *успешных людей*”. Существует интернет-рассылка “Афоризмы *успешных людей*” и сетевая “Библиотека *успешного человека*”, социальный навигатор “*Успешные сироты*”. Этот новый герой — адресат рекламы: “Автосалон для *успешных людей*”, “Леонбергер — собака для *успешных людей!*”, “Красивые зубы — пропуск в мир *успешных людей*”, “*Успешные люди*” — рекламно-продюсерская компания. Этот новый вид ведет стадную жизнь: “Клуб *успешного человека*”, “VIP-лига *Infinit* — лига *успешных людей!*” “*Успешным может стать каждый*”, — сулят педагоги, психологи и психотренеры:

“Образование для успешных людей”, “Новый тренинг «Успешный Человек» Николая Ивановича Козлова”, “Тренинг успешных людей”, «Как вырастить из ребенка успешного человека» — На вопросы читателей отвечает педагог-психолог”.

Это стремительное изменение смысловых возможностей слова не случайно.

Успешный, конечно, калька с английского слова *successful*. Например, в фильме “Секс в большом городе” одна из героинь сетует, что мужчины предпочитают молодых девушек, “а успешная пятидесятилетняя женщина никого не интересует”. В английском тексте, естественно, звучит *successful*. Представление об успешном человеке пришло к нам вместе с западным культом успеха, достижения. Прежде в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жизненная ценность. Это, разумеется, не означает, что люди не стремились к успеху. Просто экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижение как-то ассоциировалось с риском для собственной души.

Раньше говорили: *состоявшийся человек*, а это ведь несколько другое, это слово не характеризует социальный аспект человека. *Состоявшийся* — значит реализовавший свой внутренний потенциал, а добился ли он чего-нибудь в жизни, неизвестно. Было еще слово *преуспевающий*, того же корня, что *успешный*. Оно всегда было связано с финансовым успехом и выражало некоторое сомнение в моральной безупречности средств достижения этого успеха. *Преуспевающий адвокат* — это тот, у кого высокие гонорары, а не тот, которому удалось много невинных людей спасти от тюрьмы. Чрезвычайно характерно высказывание Олега Целкова в интервью о Бродском:

- “ По-видимому, Бродскому претило то, что Евтушенко был весьма преуспевающим поэтом в СССР, публиковался гигантскими тиражами, был богат, разъезжал месяцами по всему белому свету, о чем и во сне не могло присниться обычному советскому человеку. Бродского Евтушенко раздражал.

Что касается самого Бродского, можно себе представить, что, защищая его от обвинений в тунеядстве, кто-нибудь назвал его *состоявшимся поэтом*. Но *преуспевающим поэтом* — невозможно.

Вспомним и Довлатова:

- “ Двое писателей. Один *преуспевающий*, другой — не слишком. Который не слишком задает *преуспевающему* вопрос:
— Как вы могли продаться советской власти?
— А вы когда-нибудь продавались?

— Никогда, — был ответ.

Преуспевающий еще с минуту думал. Затем поинтересовался:

— А вас когда-нибудь покупали? (*Соло на IBM*, 1980)

Чрезвычайно характерны строки из поэмы Наума Коржавина “Сплетения”:

“ И, может быть, стал бы отменным,
Исполненным сложных забот,
Престижным саксесыфулмэном,
Спецом по обрывкам пустот...

Строки дышат отвращением к этому чуждому “саксесыфулмэну”. Дикая транслитерация (или транскрипция?) эту чуждость подчеркивает. Ну ясное дело, если *successful*, то непременно за счет даже не пустот, а *обрывков пустот*. Поэма написана в 1980 году, и к слову *саксесыфулмэн* в книжке сноски, поясняющая, что это “успешливый человек”. Пришлось автору, видимо, использовать редкое слово *успешливый*, поскольку сочетание *успешный человек* четверть века назад казалось вовсе немыслимым. Оно и в начале XXI века было еще непривычно. Это довольно много обсуждали, особенно профессиональные переводчики, которые как раз мучились с этими самыми *саксесыфулмэнами*. Приведу пример с сайта Ассоциации лексикографов “Лингво” (там есть форум “Беседы переводчиков”):

“ 4 февраля 2003 г.
Инна Ослон: “Еще года два назад слово «успешный» в значении «преуспевающий» не то чтобы резало мне слух, а вызывало определенный дискомфорт. Теперь уже не вызывает (почти)”.
П. Палажченко: “С «успешным» в этом значении мы, наверное, действительно «проехали»...”

Итак, *успешный человек*. Пожалуй, лучше всего можно определить это понятие, используя другое модное современное выражение — *жизненный проект*. Одна из современных гимназий так рекламирует себя:

“ Гимназия видит свою основную миссию в утверждении новых ценностей школьного образования: главное — умение применить полученные знания, опыт совместной работы и личных достижений при построении собственного *жизненного проекта*.

Успешный человек — это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект*. Не обязательно он так уж разбогател, но он добился определенной позиции в обществе. Его *проект* социально признан.

Интересно, что точно такие же изменения, как со словом *успешный*, произошли и со словом *эффективный*. Раньше говорили:

эффективные меры, эффективное лечение. Теперь же мы сплошь и рядом слышим: *эффективный человек.* Например, как сказали в одном телешоу: “Человек в любом возрасте может быть *эффективным*”. Есть даже такая книга — “Формула успеха, или Философия жизни *эффективного человека*”. В аннотации сказано:

- “ Это реальная психология для деловых и *эффективных людей:*
для предпринимателей и психологов, руководителей и домохо-
зяек, для всех тех, кто хочет стать — универсальным бизнесменом.

Нельзя не заметить, что новое значение слова *успешный* — более или менее на ту же тему, что и новое значение слова *вызов*. Вообще здесь мы имеем дело не просто с изменениями семантики отдельных слов, а с обновлением целого фрагмента языковой картины мира. Ведь и слово *неудачник* за последние годы несколько изменило свой оценочный потенциал. Раньше оно могло произноситься чуть ли не с нежностью и подразумевать, что человек не достиг земных благ, потому что бескорыстен и думает о душе. “Золотое клеймо неудачи”, как мы помним, разглядела Ахматова на челе молодого Бродского. Но чем дальше, тем более сурово начинает звучать по-русски это слово, приближаясь по тональности к английскому *loser*. А слово *карьера*? Еще двадцать лет назад в ходу была формулировка *карьера в хорошем смысле*. Почему надо было оговариваться, что в хорошем? Да потому, что вообще-то *карьера* — это было что-то слегка постыдное.

[2006]

На рубль амбиции

Есть и еще одно интересное слово из этой же серии. В последнее время многим бросается в глаза, как изменились слова *амбиции* и *амбициозный*. Яркая примета нашего времени — словоупотребления типа: “кадровый центр «Амбиция»” (он занимается трудоустройством), “11-я ежегодная конференция «Управление в России: время *амбициозных целей*””. А вот из объявления о вакансиях: “Нужен еще один *амбициозный* и целеустремленный сотрудник”.

До последнего времени слово *амбиции* связывалось преимущественно с завышенной самооценкой и безосновательными притязаниями. Так его толковали и словари: *амбиция* — “обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение”. Замечательно, что в русском языке чуть ли не все слова, указывающие на высокую оценку человеком собственной персоны, окрашены отрицательно: *самомнение, апломб, гонор, чванство, спесь, самонадеянность, самоуверенность*. Список можно

продолжить. Это язык так отражает укорененное в русской культуре представление о том, что гордому человеку следует смиряться. Причем на самом-то деле мы понимаем: бывает, что человек трезво оценивает свои силы, готов справиться с задачей и говорит об этом без пустого жеманства, и это хорошо. Однако употребить применительно к такому случаю слово *самоуверенность* невозможно даже с уточнением *в хорошем смысле*. Нужно слово распороть и сложить в другом порядке — *уверенность в себе*. Иначе негативную оценку не изгнать.

Когда слово *амбиция* было заимствовано в русский язык, оно очень быстро приобрело этот оттенок. Правда, например, Достоевский часто использует слово *амбиция* просто в смысле “самолюбие”, например:

“ Моя репутация, *амбиция* — все потеряно! Я погиб, и вы погибли, маточка, и вы, вместе со мной, безвозвратно погибли! Это я, я вас в погибель ввел! Меня гонят, маточка, презирают, на смех поднимают, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила (*Бедные люди*, 1845).

Но гораздо более типично всегда было представление об *амбициях* непомерных и неправомερных, как в таком примере:

“ На грош амуниции, на рубль *амбиции*! Уходи, не проедайся! Банкомет взял за плечи барона и вмиг выставил его за дверь, которую тотчас же запер на крюк (В. Гиляровский. *Москва и москвичи*, 1926).

А в советское время и тем более трудно было употребить слово *амбиция* вне отрицательного контекста. И вот все изменилось. Появилось поколение *успешных* и *амбициозных* молодых людей, которые отвечают на *вызовы* жизни — делают *карьеру*. И ничего в этом плохого язык уже почти не видит. Да, еще эти молодые делают карьеру *агрессивно*.

[2006]

Агрессивный макияж

В последние годы многие люди замечают, что и слово *агрессивный* на наших глазах меняет свой оценочный потенциал. Раньше, если о человеке говорили *агрессивный*, это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. Раньше сказали бы *агрессивная тактика* — с неодобрением. А если хотели одобрить, говорили — *наступательная тактика*. И вот все чаще мы слышим и читаем: “Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, *агрес-*

сивно нацеленные на результат, готовые инвестировать свое время и силы” — это в объявлении о вакансиях. “CNN — молодое и агрессивное информационное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж”. Или: “Современная леди прогрессивна и агрессивна: она делает карьеру в мужском коллективе, настаивая, чтобы ее называли по фамилии, как и коллег, и ни при каких обстоятельствах не просили принести кофе”.

И особенно распространилось выражение *агрессивный макияж*. Вот несколько примеров, извлеченных из интернета:

- “ Вместе с воспоминанием о тех годах (80-х) к нам возвращается более *агрессивный макияж*: яркие глаза с черной подводкой, много перламутра, “красавые” губы и безумные объемы в прическах...
- “ *Агрессивный макияж* для неформальной вечеринки.
- “ Удивительный и яркий, консервативный, стильно-утонченный, подчеркивающий, *агрессивный макияж* поможет создать визажист. Он подчеркнет образ, сгладит природные недостатки и подаст образ в максимально выгодном свете.
- “ Но, признаться, женский пол и сам не прочь воспользоваться запрещенными приемчиками — лишняя расстегнутая пуговица на блузке, мини-юбка много выше коленок и *агрессивный макияж* могут сослужить неплохую службу начинающей карьеристке.
- “ Четыре процента (женщин) предпочитают *агрессивный макияж*. Такой макияж предпочитают женщины, стремящиеся к власти. А еще он помогает обрести уверенность в себе и выделиться из толпы. Если ваш *макияж* не просто *агрессивный*, но и правильно подобранный, кратковременный успех вам обеспечен.

О сумочках, совсем маленьких, размером с кошелек, в женском модном журнале говорится: “В таком случае в сочетании с *агрессивным макияжем* создается эффект уверенной в себе, но в то же время нуждающейся в защите женщины”. А одна счастливая новобрачная делится в “Живом журнале”:

- “ Я, жених и все гости остались просто в восторге. Причем у меня было достаточно необычное платье, к которому мы выбрали яркий *агрессивный макияж* с накладными ресницами и красными стразами над бровями. Получилось просто потрясающе.

Да, жених, наверно, был сильный духом.

Думая о подобных новых словоупотреблениях, люди часто считают само собой разумеющимся, что они заимствованы из английского языка. Мол, вместе со словом перенимаем новые ценно-

сти мира наживы и чистогана. Между тем это далеко не всегда так. Конечно, слово *aggressive* действительно и в английском все чаще употребляется одобрително, но, например, термина *агрессивный макияж* по-английски нет, его назовут *тяжелым (heavy make-up)*. Да и вообще, употребляя слово *агрессивный* с положительной оценкой, мы зачастую не столько заимствуем конкретные иноязычные словоупотребления, сколько воплощаем свое представление о том, как это должно быть там у них, на Западе.

[2005]